

18+

Сергей Борисович Тамбиев

**Дневник участника
Российской Антарктической Экспедиции**

Москва
2024 г.

Сергей Тамбиев

**Дневник участника Российской
антарктической экспедиции**

«Издательские решения»

Тамбиев С. Б.

Дневник участника Российской антарктической экспедиции /
С. Б. Тамбиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628035-9

Книга знакомит читателей с повседневной жизнью и работой участников 48-й Российской антарктической экспедиции на борту научно-экспедиционного судна «Академик Фёдоров». Автор описывает высадки и работу на антарктических полярных станциях «Новолазаревской», «Молодёжной», «Прогресс» и «Мирный», раскрывает перед читателем страницы истории этих станций и освоения Антарктиды. Много внимания уделяется описанию природы Антарктиды и её уникальным обитателям. Книга иллюстрирована фотографиями.

ISBN 978-5-00-628035-9

© Тамбиев С. Б.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1.Начало	8
2.Перелет до Кейптауна. Прибытие на борт НЭС «Академик Федоров». Стоянка в Кейптауне	11
3.Выход в море. «Ревущие сороковые»	18
4.Первая встреча с Антарктидой. Станция Новолазаревская и Оазис Ширмахера	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дневник участника Российской антарктической экспедиции

Сергей Борисович Тамбиев

© Сергей Борисович Тамбиев, 2024

ISBN 978-5-0062-8035-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Как-то, разбираясь в своём столе, я натолкнулся на прозрачную розовую пластиковую папку с застёжкой на «репейнике». В папке лежала изрядной толщины стопка листов бумаги формата А4, страниц эдак на 80 с напечатанным мелким шрифтом текстом. Кроме этого, здесь же находилась маленькая карманная книжечка в белом бумажном переплёте под названием «Школа выживания для полярников» с дарственной надписью автора и маленькая цветная картонная складка, открыв которую я обнаружил два билет на посещение океанариума в Кейптауне «Two Oceans Aquarium», стоимостью 50 рандов каждый. И тут я всё вспомнил. Это же мой дневник, который я вел во время работы в 48 Российской антарктической экспедиции на научно-экспедиционном судне «Академик Фёдоров» в феврале-апреле 2003 года. Сразу же нахлынули воспоминания более чем 20 летней давности: возвращение в Институт океанологии РАН, в лабораторию академика Александра Петровича Лисицына, после многих лет скитаний по миру и разного рода работам, встречи с постаревшими друзьями и бывшими коллегами, уговорами Александра Петровича разрешить мне пойти в рейс в Антарктиду, в группе от нашей лаборатории, которую возглавляла Инна Абрамовна Немировская, подготовка к этой экспедиции, ну и конечно же сама экспедиция.

А.П. не сразу согласился отпустить меня, на что у него были какие-то свои резоны. Помню, как мы с Инной Немировской сидели у него в кабинете на 6-м этаже, и я убеждал Александра Петровича отправить меня в этот рейс, где я несомненно с пользой применю свой богатый экспедиционный опыт, тем более, что один из предполагаемых участников уже отказался от этой экспедиции. Благодаря поддержке, которую мне оказала Инна Абрамовна, вставшая на мою сторону, мне, в итоге, удалось Лисицына уговорить. Ну и чтобы закрепить успех, я пообещал Александру Петровичу сделать документальный фильм об этой экспедиции и показать его на очередной Школе по морской геологии. И, кстати, обещание своё я, впоследствии, сдержал.

Сейчас, по прошествии стольких лет, уже не стыдно признаться, что основным мотивом для моего возвращения в ИОРАН как раз и было желание принять участие в этой экспедиции в Антарктику, так как я чётко понимал, что судьба предоставила мне второй шанс попасть туда, о чём я мечтал, с ранней юности, начитавшись книг о прошлых и современных полярных исследованиях. Первый раз я чуть было не попал в Антарктиду в 1983 г. во время кругосветной экспедиции в 30 рейсе НИС «Дмитрий Менделеев». Мы направлялись из Тихого океана через пролив Дрейка в Атлантический океан и должны были пройти недалеко от советской антарктической станции Беллинсгаузен. Полярники связались с нами по рации и пригласили посетить станцию. К нашему всеобщему сожалению, капитан отказался от захода, так как нам на пути попадались льды и айсберги, судно было не ледового класса, да и погода не располагала к высадке. Так что мы прошли мимо Антарктического полуострова без захода на станцию, к глубокому сожалению всей экспедиции. И вот передо мной снова замаячила Антарктида и этот шанс я уже не мог упустить.

Перечитывая свои записи более чем 20-летней давности, я конечно отдаю себе отчёт, что сейчас уже многое изменилось на наших полярных станциях и в морских полярных экспедициях. И люди там работают уже другие и инфраструктура, конечно, улучшилась, и отношение к окружающей природе поменялось в лучшую сторону, и оборудование другое, современное. Ведь в те времена, когда я попал в Антарктиду, страна только-только начала выкарабкиваться из тяжёлых 90-х годов и главной задачей тогда были даже не научные исследования в Антарк-

тике и Арктике, а хотя бы просто сохранить наше присутствие в этих регионах. Поэтому и основной упор делался не на научных исследованиях, а на обеспечении выживания станций. При этом работы велись часто при отсутствии какой-либо поддержки высокопоставленных чиновников, часть которых искренне не понимала зачем нам тратиться на Антарктиду, когда и в своей стране дескать забот хватает. Сам слышал такие разговоры от людей, которым даже по долгу службы предписывалось поддерживать работы в полярных регионах. Наблюдалось и внешнее давление на страну, в целях выдвинуть нас из Антарктиды. И, тем не менее, несмотря на все сложности, России удалось отстоять своё присутствие в Антарктиде и за это современные учёные должны быть признательны своим предшественникам, которые смогли сохранить наши станции в тяжелейших условиях дефицита всего, низких зарплат, пренебрежительного к себе отношения и передать эстафету нынешнему поколению полярных исследователей.

Понимаю, что кому-то может что-то и не понравиться в моих дневниках, с чем-то можно и не согласиться, но я принял решение кардинально ничего не менять в тексте. Ведь то что было положено мной тогда на бумагу соответствовало истине или моему тогдашнему представлению о ней. Теперь это уже история, а править историю – последнее дело.

1. Начало

Москва, 03 февраля 2003 г.

48 Российская Антарктическая Экспедиция или 48 РАЭ началась для меня с того, что в день отъезда, я перепутал Ленинградский вокзал с Белорусским – затмение на меня какое-то нашло. И каким же для меня благом оказалось то, что я имел получасовой запас времени, благодаря которому и успел получить оставленный днем на Белорусском вокзале багаж и дотащить его бегом в метро до Ленинградского вокзала, вызывая недоуменные взгляды припозднившихся пассажиров. К своему поезду №4 Москва – Ст. Петербург, я успел прибежать, обливаясь потом и дико озираясь по сторонам за 5 минут до планового отхода, хотя, как всегда в таких случаях, отход поезда был задержан на 15 минут. Так что, бог упас меня от позора, и я воссоединился со своей будущей командой, состоящей из Инны Абрамовны Немировской – нашего начальника, доктора геолого-минералогических наук, заведующей аналитической лаборатории Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН (ИОРАН), Саши Новигатского, аспиранта и по совместительству инженера лаборатории физико-геологических исследований ИОРАН, Дениса Айбулатова, младшего научного сотрудника Географического факультета МГУ и по совместительству сын моего старого друга, профессора Николая Александровича Айбулатова и меня – Сергея Борисовича Тамбиева, кандидата геолого-минералогических наук, старшего научного сотрудника лаборатории физико-геологических исследований ИОРАН.

На станции меня уже с волнением поджидали коллеги по экспедиции, а провожали нас в дальний поход сотрудник нашей лаборатории Володя Шевченко и девушка Саши Новигатского. Через пять минут поезд тронулся, и мы занялись благоустройством в купе. С трудом распахав свой объёмный багаж по местам, тут же «тягнули», как водится, под стук колес, благо у меня с собой во фляжке оставался не допитый дома коньяк. Посудачив немного о последних институтских делах и перипетиях отъезда, все дружно завалились спать.

Санкт Петербург, 04—06.02.03

Прибыв на следующее утро в Ст. Петербург, мы оставили весь свой багаж в камере хранения Московского вокзала, взяв с собой только самое необходимое, и отправились в Арктический и антарктический научно-исследовательский институт Росгидромета (ААНИИ), на улицу Беринга, 38, чтобы начать процедуру оформления в экспедицию.

По прибытии в ААНИИ сразу же выяснилось, что не хватает каких-то бумаг на всю нашу группу. Не оказалось приказа об экспедиции, который был утерян где-то в недрах отдела кадров или планового отдела ИОРАН, не было каких-то документов на Дениса Айбулатова (хотя в списках экспедиции он числится), а у меня отсутствовала прививка от дифтерита, о которой нам забыли написать в официальной напоминаловке из ААНИИ. В результате, каждый ответственный (и безответственный) бюрократ угрожал отправить всех нас скопом или по отдельности обратно в Москву. Чтобы преодолеть все эти объективные и субъективные трудности и достойно закончить наше оформление, весь первый день пришлось провести в беготне по этажам ААНИИ, обменах факсами и телефонными звонками с ИОРАН, пройти инструктаж по технике безопасности, медкомиссию и тестирование на адаптируемость (оказывается такое есть не только у космонавтов), получить какие-то бумаги и книжки выполнения задания, подписать всякие юридические отмазки для ААНИИ (типа «в смерти моей прошу никого не винить»), подписать завещание на получение доверенным лицом накопленного в экспедиции состояния (из расчета 5 американских долларов в сутки) и личных шмоток, которые стоят

и того дешевле и т. д. и т. п. В результате, к концу дня, когда все мы просто ошалели от усталости и были готовы махнуть рукой на экспедицию нам мягко сообщили, что бегай не бегай, а все равно все мы просто обречены пойти в этот рейс, т.к. билеты в Кейптаун уже на всех закуплены у голландской компании KML и обратного пути практически нет.

На этом, однако, наши злоключения в Питере не закончились – две ночи требовалось где-то переночевать. У Саши и Инны проблем не было. Саша отправился на постой к родственникам, которых, по его словам, у него в Питере уйма, а Инну тут же пригрели ее друзья по предыдущим экспедициям. Оставались не пристроенными только мы с Денисом (или Дэнном, как его окрестил Саша). Днем, правда Инна устроила из ААНИИ звонок некоему Валентину Николаевичу, который распределял гостиничные места в академических и других околонуучных гостиницах. Валентин Николаевич направил нас на станцию Удельная в гостиницу «Наука», где вечером нас встретили совсем даже не дружелюбно, а в духе доброго застойного времени сакраментальными словами «Мест нет!» После некоторых переговоров и звонков начальству, а самое главное нашей ссылки на магическое имя Валентина Николаевича, нам с неохотой выделили однокомнатный номер «полулюкс», который в моем представлении таковым быть просто не мог, в силу множества причин. В качестве иллюстрации, могу только отметить, что на нашу робкую просьбу дать туалетной бумаги, нам было предложено возить бумагу с собой, а на данный момент в виде гуманитарной помощи была выдана бесплатно распространяющаяся рекламная газета «Центр плюс».

Промерзнув всю ночь в питерском «полулюксе», наутро 5 февраля мы опять поехали в ААНИИ, чтобы завершить оставшиеся дела и привезти наши вещи с вокзала. Примерно к полудню я освободился, и мы договорились встретиться с Дэнном в 2 часа на станции метро Невский проспект, чтобы произвести обзорную экскурсию по городу. Однако он не пришел, и я прождав его минут двадцать отправился бродить по городу один. В последствии Дэн меня уверял, что простоял на договорном месте около часа. Для меня же так и осталось загадкой что произошло – оба ждали друг друга в одном месте и друг друга не увидели. Чудеса. По совету моей жены Вали попытался посетить Спас на Крови, но оказалось по средам он не работает. Поехал в Петропавловскую крепость, куда мне не случилось попасть во время предыдущих посещений Питера – и опять облом, по средам и здесь большинство экспозиций и казематов не работает. Удалось осмотреть лишь саму крепость снаружи, да музей восковых фигур. Погода же в этот день была пронзительно холодной с ледящим ветром со стороны Невы, так что длительные прогулки большого удовольствия не доставляли. Хотел еще посмотреть музей ледяных фигур, расположившийся рядом с крепостью со стороны Невы, но там залюмили аж 100 р. за вход и природное чувство справедливости не позволило мне заплатить такую цену за билет. После этого я направил свои стопы в сторону Кунсткамеры, которая на мое счастье оказалась открытой. Разглядывание вместе с толпой зевак заспиртованных уродов и кусков человеческой плоти с затейливой бахромой вокруг отрезанных конечностей, мне никакого удовольствия не доставило, и я быстро перебрался в залы посвященные этнографии, где и рассматривал экспонаты до закрытия музея. В принципе, музей оказался неплохим и довольно информативным, однако выглядел очень уж устаревшим по сравнению с современными музеями запада и даже Москвы, где используются последние музейные технологии и достижения.

На подходе к гостинице у дверей столкнулся с Дэнном, который обрел в Питере, доселе не знакомого ему родственника (кажется племянника, оказавшегося выше и старше его) и направлялся к нему в гости с ночевкой. Последний же день моего пребывания в гостинице, уже в другом номере, прошел под знаком борьбы с холодом. Ночью я горячо благодарил судьбу за то, что она послала Денису нежданную родню, а мне оба его одеяла, которые помогло мне

продержаться до утра. После скудного завтрака в гостиничном буфете я все-таки решил перед отъездом в аэропорт посмотреть Спас на Крови, что с успехом и осуществил. Удовольствие от увиденного получил большое. Храм оказался невероятно красивым и необычным внутри. Роспись, мозаика, отделка камнем, все это производит неизгладимое впечатление. Таких православных храмов я до этого не встречал. Молодцы реставраторы, потрудились на славу, хотя им и потребовалось для этого более двадцати лет!

2. Перелет до Кейптауна. Прибытие на борт НЭС «Академик Федоров». Стоянка в Кейптауне

6 февраля, в 12 часов я уже был в ААНИИ, где встретился с нашей небольшой командой. К этому времени все вещи были погружены на машину и отправлены в аэропорт. Инна поехала в аэропорт со своими друзьями на их автомобиле, а мы втроем двинули своим ходом на метро и маршрутке, купив по дороге конверты для писем и перекусив в пиццерии. В аэропорт Пулково-2 мы прибыли, как и требовалось, в 2 часа по полудни и торчали там часа три-четыре, пока не началась посадка в самолет. Всего нас в первой партии летело 35 человек (вторая партия вылетала 8 февраля) и мы, я полагаю, помогли голландской авиакомпании KLM выполнить в этот день их план перевозки пассажиров.

Наш сотоварищи представляли собой довольно-таки разношерстную публику. Попробую распределить их по категориям:

– Зимовщики, едущие на смену тем, кто свое отзимовал на разных станциях. Говорят, что после зимовки, попадая на борт судна, они беспрерывно пьянствуют и не выходят из такого изумленного состояния до самого Питера;

– Сезонники (в эту категорию входим и мы), это те, кто работает с борта судна с высадкой или без оной на лед и материк и те, кто как прибыл в Антарктику на борту «Федорова», так на нем и возвратится в Питер в этом же сезоне. Сезонники с неодобрением относятся к зимовщикам, считая их не вполне адекватными;

– Команда «Фёдорова», или как они любят себя называть – экипаж. Считают себя элитой и с глубоким презрением смотрят как на зимовщиков, так и на сезонников.

Первые две категории составляют собственно РАЭ, а вторые (команда) как бы сами по себе, и я так и не понял, являются ли они сотрудниками Росгидромета или Морфлота или ААНИИ. (К концу рейса, правда, разобрался. Команда – сотрудники ААНИИ).

Загрузившись сначала в Боинг 737 до Амстердама, а в Амстердаме в знаменитый Jumbo Jet – Боинг 747, мы без особых приключений, с часовой посадкой в Йоханнесбурге добрались до Кейптауна. В полете никаких ЧП не происходило. Как всегда, почти все напились до разной степени тяжести. Кто-то по-пьяне пытался курить, но бортпроводники с такими нарушителями быстро разобрались. Из Амстердама до Кейптауна полет занял более 10 часов, кормили так себе, и хотя в выпивке особо не ограничивали, лететь было довольно муторно.

Кейптаун нас встретил в виде местного агента, кажется из индусов, с табличкой в руке «Akademik Fedorov», а также дождем и влажной духотой, что мне даже немного напомнило тропики. Агент, естественно, не знал ни слова по-русски, а наш старший, Володя, который летел на зимовку в Мирный, не знал ни слова по-английски. Я предложил им свою помощь, которая обеими сторонами была с восторгом принята. Мы загрузились в автобус, и агент привёз нас сначала к портовым властям, где нам проштемпелевали наши паспорта моряка, а затем подвез к борту судна, на котором нам предстоит прожить как минимум 3—4 месяца.

Научно-экспедиционное судно (НЭС) «Академик Федоров» произвело на меня приятное впечатление. Огромное, по меркам научного флота, судно водоизмещением более 16000 т, выкрашенное в ярко оранжевый цвет, с внушительными мощными кранами и белыми над-

стройкам в 7 палуб. Наши старые добрые научные шеститысячники: «Дмитрий Менделеев», «Витязь», «Академик Мстислав Келдыш», казавшиеся мне до сегодняшнего дня крупными судами, не шли ни в какое сравнение с этим гигантом.

Нам с Сашей Новигатским выделили 206 каюту на двоих на нижней палубе. Каютка, привела нас в полное уныние: унитаз разбит, света нет, грязь везде невероятная, ключа тоже нет – его по ошибке увезли на станцию. Впоследствии выяснилось, что в этой каюте жили геройские летчики-полярники, приведшие её в такой вид. Злые языки утверждают, что полярники считают ниже своего достоинства производить уборку в своих каютах, считая это делом подлым и не достойным героев. На «Федорове» же, в отличие от нашего академического флота, каютные-номерные барышни, в задачу которых входит проведение уборки в каютах членов экспедиции, убираются только в каютах команды (еще одна дискриминация), поэтому можно представить, в каком состоянии находятся каюты, где никто не убирался. Мы пожаловались начальнику отряда сезонников, Кузнецову Василию Леонтьевичу и нам, не без нервотрепки, выделили соседнюю 210 каюту, где, по крайней мере, унитаз не был разбит, хотя свет в туалете тоже отсутствовал, но его, по нашей просьбе, быстро наладили.

Обедом нас не накормили, сказав, что мы опоздали на 30 минут, а ближе к вечеру выдали белье. Правда, мы с Сашей Новигатским опять немного опоздали и получили втык от кастелянши Лены, за то, что отвлекли ее от заслуженного отдыха. Замечание было скорее для порядка, чем со злобой. Вечером мы встретились с засланным на борт судна еще в ноябре Сашей Плишкиным, коллегой из ИОРАН, который сильно растолстел за время рейса и встретил нас без особого энтузиазма, никак не приготовившись к нашему приезду и не заказав ящик джина, о котором Инна Абрамовна попросила телеграммой из Москвы. Отсутствие ящика очень огорчило нашего начальника. Плишкин сказал, что очень много работает, 4 раза в сутки замеряет на пеленгаторной палубе спектр гранулометрического состава аэрозолей, даже здесь, на стоянке в Кейптауне.

08—15.02.03, Кейптаун. Утром следующего дня, под предводительством бывалого Саши Новигатского (для него это была уже вторая экспедиция в Антарктиду на «Федорове») мы

отправились на первое свидание с Кейптауном. Судно стояло у стенки на контейнерном терминале, что довольно далеко от города. Идти пешком пришлось около 40 минут. День был солнечный, безоблачный, но очень ветреный. Я, честно говоря, даже и не ожидал, что в Кейптауне может так дуть в ясную погоду. В Окленде (где я прожил почти 6 лет) такого, как правило, не водилось – там дует только во время циклонов, но тогда, и погода совсем дрянная. Саша привел нас в самое популярное у туристов место – Вотерфронт имени принца Альфреда и Виктории. Кто такая Виктория я, естественно, знал, а вот насчет Альфреда приходилось догадываться, пока я где-то не прочел, что он, оказывается, был вторым сыном Виктории и учредил этот Вотерфронт. Здесь всегда многолюдно и масса завлекательных для приезжих мест: магазины с разнообразнейшими африканскими товарами, множество ресторанов, киосков. На дорожках и аллеях время от времени появляются какие-то группы африканских молодых людей или девушек носящих одинаковую форму и исполняющих ритмичные африканские песни с танцами. Я так и не понял, кого они представляют – то ли разные исполнительские группы, то ли разные колледжи. Таким способом они пытаются зарабатывать деньги, хотя туристы подают им немного. Масса довольно больших молдов: шоппинг центров, которые тоже очень напомнили мне Окленд. В первый же вечер Саша сильно обгорел и, почувствовав себя плохо, ушел на судно. Мы же с Денисом остались еще погулять. Купили вина и выпили его на верхнем этаже старой городской башне с часами, расположенной в центре Вотерфронта. Ступеньки на верх

были, с точки зрения городских властей, ветхими и с нас внизу взяли подписку, что мы поднимаемся наверх на свой страх и риск и никого не будем винить если свалимся оттуда.

Вино в Кейптауне – это особая статья, на которой надо остановиться подробнее. Честно говоря, такого хорошего сухого красного вина, при этом дешевого, я не пил до этого даже во Франции. Я и представить себе не мог, что красное сухое вино, не крепленое, может быть 14 или даже 15°! Это говорит о благоприятном климате и о качестве винограда, из которого это вино делается. Вкус даже у недорогого южноафриканского вина просто божественный, никакой кислоты вообще. Примерно за месяц до этого, будучи в Париже, я выпил много местного недорогого вина, которое мне показалось, по сравнению с молдавскими и болгарскими винами, великолепным, но даже французское вино уступает южноафриканскому, причем не только по вкусу, но и по букету запахов.

Вечером, когда уже стемнело, мы с Денисом возвращались одни, по пустынным улицам Кейптауна, не зная точного направления и, конечно же, заблудились. Определиться на местности мы пытались и по звездам, и по небоскрегам вокруг нас, и по другим каким-то признакам, но все оказалось тщетным, хотя на следующий день мы поняли, что были очень близки к успеху. Ну а в тот вечер мы устав от всех этих бесплотных попыток просто взяли такси и доехали до порта. Таксист взял с нас сравнительно недорого, да еще и девочек предложил, от чего мы с благодарностью отказались.

Одним из положительных для нас моментов в Кейптауне я считаю наличие в нем *The Cape Town Station of the Mission to Seafarers* или Мисси для моряков, основанной, по-моему, тем же Альфредом, или кем-то еще из тогдашней британской королевской семьи. В Миссии было два или три микроавтобуса и всех желающих из порта постоянно подвозили, куда они захотят, причем услуги автобусов бесплатны. Проблема была лишь в том, чтобы дожидаться, когда автобус приедет, или же встретить его, когда возвращаешься обратно в порт. Также в Миссии можно неплохо и не дорого поесть, попить пива и бесплатно поиграть в бильярд или настольный теннис. Отсюда же можно с удобством и позвонить.

Самая очевидная и запоминающаяся достопримечательность Кейптауна, это, конечно же Столовая гора, которая возвышается над всем городом, а город, собственно, вокруг нее и располагается. Свою Столовую гору жители Кейптауна очень любят. На ней произрастает эндемичная растительность, и живут эндемичные животные и насекомые. Какой-то француз в честь этой горы назвал одно из созвездий в южном полушарии, и кейптаунцы очень этим обстоятельством гордятся. В этот раз мы достигли подножия этой горы, где и распили предварительно закупленное красное сухое вино.

Из других достопримечательностей, мы посетили Замок Доброй Надежды, построенный голландцами, а затем отобранный у них англичанами. Место интересное и на самом деле это конечно никакой не замок, а самый настоящий форт с какими-то небольшими и интересными строениями внутри. Если мне не изменяет память, в главном здании жил губернатор. Фортификации впечатляют, и форт действительно внушает уважение.

Неплох оказался и парк в центре города с ручными белками, бегающими по парку. Судя по карте, есть еще и настоящий ботанический сад, но он находится с другой стороны Столовой горы и добираться до него довольно-таки далеко. Рядом с парком располагается национальный музей и Планетарий, куда мы сходили с Денисом. В общем, тоже очень интересно. В воскресенье, всей бригадой посетили африканский рынок полный африканских ручных поделок. Встре-

чаются и очень неплохие. Купил здесь себе страусиное яйцо и фигурку бабуина, выточенную из местного зелёного камня, который, как утверждают продавцы, встречается только в Южной Африке. В принципе, здесь продают все то же, что и в магазинах для туристов, но дешевле. Да и сам рынок очень колоритен. Торговцы часто в национальных одеждах и продают всякую всячину: резьбу по дереву и камню (часто из местного африканского малахита), красочные картины, батйки, предметы национальной одежды, ракушки, чучела экзотических животных и тому подобное. Спецификой этого рынка, с чем я до этого не сталкивался в других местах, где мне приходилось бывать, было наличие тщательно отпрепарированных окаменелостей доисторических существ, которые здесь продавались. Из нескольких десятков предлагаемых образцов, я смог опознать только трилобитов и каких-то тварей, похожих на рыб, остальные были мне не известны, хотя выглядели впечатляюще.

Из других достопримечательностей Кейптауна, с которыми нам удалось ознакомиться, я бы выделил аквариум на Ватерфронте. И, хотя, стоимость прохода туда сравнительно высока – 50 рандов, аквариум стоил каждого цента из этих денег и даже больше! Здесь собрано много уникальных рыб из разных морей и океанов, преимущественно из акваторий Атлантического и Индийского океанов. Экспозиции сделаны здорово, не хуже, чем я видел в США, Новой Зеландии или Сингапуре. Но больше всего мне понравились гигантские, высотой в 4—5 метров застекленные помещения, представляющие собой кусок прибрежного дна с огромными местными водорослями, камнями, гигантскими рыбами. Помещение перед этим кусочком подводного сада естественно не освещено, свет исходит только от этого аквариума. Здесь же располагаются ступеньки, на которых может присесть и отдохнуть зачарованный посетитель. Откуда-то сверху исходит тихая приятная музыка.

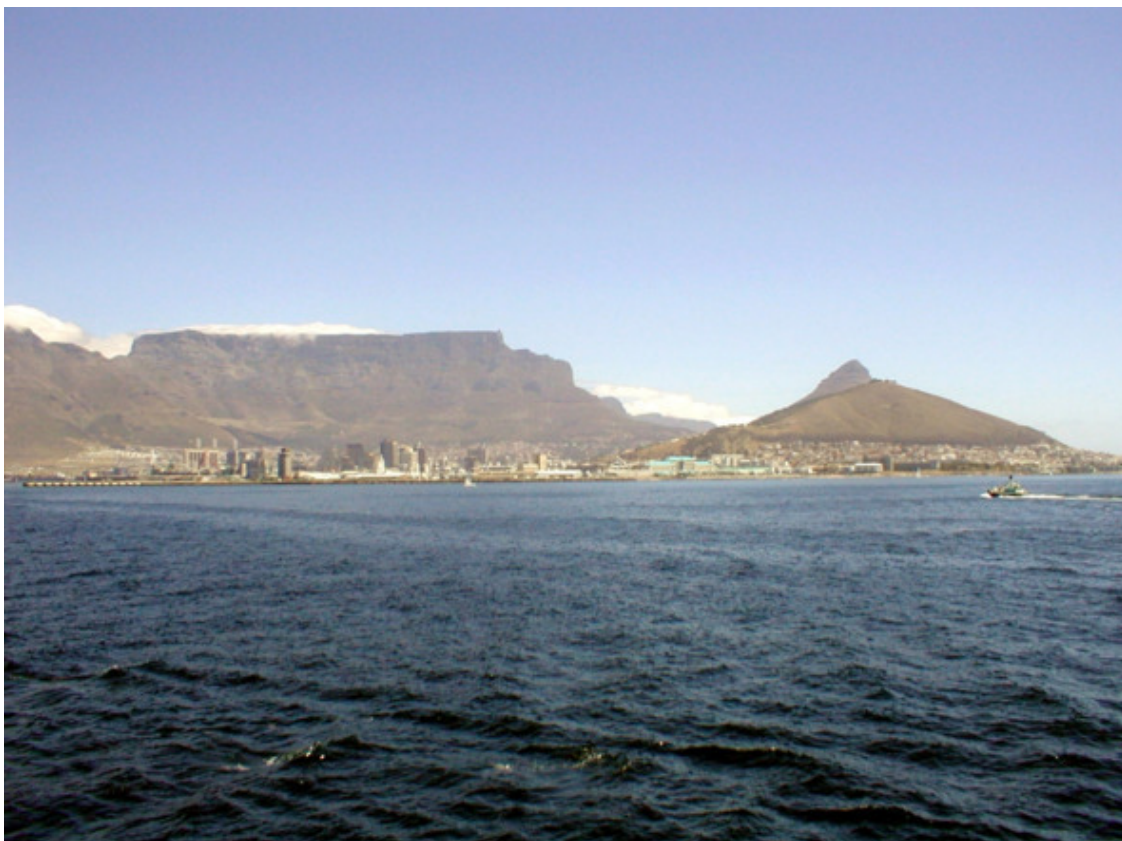
В один из дней, мы предприняли поездку на местной электричке без стёкол за город, в Саймонс Таун, расположенный в Фальшивой бухте с теплой индоокеанской водой. Поездка туда заняла у нас 30—40 минут. Мы проехали вокруг почти всего Кейптауна, потом через какие-то маленькие селения и вдоль моря. Не обошлось без небольшой несурзности, т.к. нам пришлось сделать, в принципе, ненужную пересадку. Доброжелательная молодая африканка порекомендовала нам не тот поезд, и мы не доехали до Саймонс Тауна пару остановок, так, что пришлось на перроне минут пятнадцать ждать правильного поезда.

Саймонс Таун оказался военно-морской базой Южноафриканской республики. Мы прошли вдоль всего военно-морского порта с одним военным кораблем и одним кораблем поддержки. По дееспособности и количеству военных судов Южная Африка, как мне показалось, не многим превосходит Новую Зеландию. Путь на пляж нам сначала показал бравый морской офицер (он же объяснил нам и путь в ближайший винный магазин), а затем местная бабулька, которая довела нас до пляжа. Добирались мы туда минут 20—25 и наши дамы (Инна со своими новыми подружками) устали и приуныли, поэтому мы оставили их на пляже, а сами пошли искать приключений дальше. Не пройдя и пятидесяти метров от пляжа, мы обнаружили резервацию пингвинов, открытую для туристов, и вход в которую стоил 10 рандов. Купили билеты и прошли внутрь. Это оказалась довольно большая колония южноафриканских очковых пингвинов и пингинов Адели. От души поснимав славных птичек мы решили пройти дальше и вскоре натолкнулись на совершенно потрясающий пляж с песком и огромными гранитными валунами (как я потом выяснил, пляж так и назывался: Boulders beach). На пляже, прямо среди людей, деловито бродили те же самые пингвины, ничуть людей не боявшиеся и даже наоборот, норвящие тяпнуть за палец, если кто-то проявлял слишком большую фамильярность. Раскованность пингвинов была столь велика, что когда мы лежали после купания на песке, к нам подошел один из пингвинов и отложил яйцо почти мне под нос. Я был тронут таким дове-

рием. Люди здесь тоже вели себя раскованно. Рядом с нами две голландские лесбиянки загорали в разных позах и ходили купаться совершенно нагими. Из Москвы я взял с собой маску с трубкой и ластами и от души понырял. Дно оказалось очень интересное с большим количеством рыбы, ракушек и прочей живности. Было много огромных, до 5 метров высотой бурых водорослей, которые мы и видели в Аквариуме. К сожалению, вода была не очень прозрачной, вероятно взмутилась после шторма – за пару дней до этого был очень сильный ветер. И, тем не менее, мне удалось достать со дна местную ракушку, размером больше чем с кулак, которую храню до сих пор дома. Примерно в 4 часа по полудни мы сели на обратную электричку и вернулись в Кейптаун.

В предпоследний день, случилось небольшое происшествие. Мы с Денисом возвращались из города в порт. Саша с нами в тот день на берег не сходил, по причине сильного обгорания и плохого самочувствия, а нам надо было зайти в интернет кафе, пообщаться с миром в последний раз перед отплытием, да и побродить по городу – ведь прощались мы с цивилизацией на несколько месяцев. На обратной дороге, где-то на середине пути из-за поворота прямо на нас выскочили три мелких африканских тинэйджера и, приставив нож к животу Дениса, потребовали деньги и его шикарный фотоаппарат. Денис растерялся, моя же реакция была мгновенной. Я тут же схватил за шиворот второго из нападавших, который оказался рядом со мной и замахнувшись кулаком над его головой сказал старшему с ножом, что я его сейчас убью, если он не отпустит моего товарища. Пацаны, видимо, не ожидали такой реакции, а может, это был их первый налет, тем не менее мое агрессивное поведение их озадачило, они явно растерялись. В это мгновение рядом остановились небольшой грузовичок с двумя белыми парнями в кабине, и легковушка с мужиком в салоне. Все трое юных налётчиков решили дальше не испытывать судьбу и тут же удрали через дорогу и дальше через забор. Остановившиеся парни вышли из машин и спросили, в чем дело и не нужна ли их помощь. Мы объяснили, что на нас напали, но теперь все в порядке, и нападавшие мелкие обидчики рассеяны. Мы поблагодарили местных, и они уехали, а мы продолжили свой путь на судно. Денис, мне потом говорил, что он вообще ничего не успел понять, а только увидел большой кривой нож, похожий на садовый секатор, у своего живота и все. Я же страшно возмутился тому факту, что меня, 53-летнего российского мужика пытается ограбить какая-то местная, сопливая, черная шпана, старший из которых едва мне доходила до плеча. Кроме того, моей агрессивной реакции поспособствовали три бутылки чудесного красного вина, распитые нами незадолго до этого в городских скверах. Однако, больше всего меня поразила реакция обычных кейптаунских мужиков. Увидев, что чёрная шпана напала на белых, они тут же бросились на подмогу, хотя мы для них были совершенно незнакомые люди. Наши российские мужчины, к сожалению, так себя обычно не ведут и стараются обойти или объехать такого рода инциденты по большой дуге: меня мол не трогают, и хорошо.

На следующий день был назначен отход на 14.00. На берег сошли человек 10—15 проводивших нас местных русских, которые водят взаимовыгодную дружбу с людьми из команды и раэшниками, регулярно посещающими Кейптаун. В 14.30 мы отшвартовались.

1. Столовая гора (слева) и гора Львиная голова (справа)

2. Среди пингвинов на пляже Боулдерс в городе Саймонс Таун

В городском парке Кейптауна

3.Выход в море. «Ревущие сороковые»

15—19.02.03.

Выйдя из порта, мы взяли курс на юг, пройдя вдоль всего Мыса Доброй Надежды. Сразу же по выходу за боновые ворота порта мы ощутили дыхание Атлантического океана, а когда миновали Мыс Доброй Надежды, то за нас взялся уже сам Южный океан, и эту хватку мы ощутили в полной мере. Пять дней в «ревущих сороковых» нас так здорово кидало, что, несмотря на солидные размеры нашего судна, ночью было трудно уснуть. Почти все мои коллеги заметно укачались, я же сильно не страдал и регулярно ходил на все приемы пищи (не все могли это делать). Болтанка продолжалась все пять дней, пока мы проходили сороковые широты. Несмотря на сильную болтанку и ветер мы начали свои традиционные попутные работы почти сразу же по выходу из порта. Эти работы включали в себя отбор проб поверхностной воды ведром на ходу судно с последующей ее фильтрацией для выделения взвешенного вещества и изучение гранулометрического состава аэрозолей с пеленгаторной палубы, где Александр Плишкин еще в самом начале экспедиции установил свой счетчик.

20.02.03, Четверг (51°24'S, 04°36'E)

«Ревущие Сороковые» мы наконец-то прошли. Они и впрямь оказались ревущими.

Волны вздымались до высоты не менее 5—7 метров, а порывы ветра на пеленгаторной палубе, по словам Плишкина, достигали 30 м/сек. Наш огромный «Федоров» качало как обычный научный шеститысячник, а по ночам несколько раз закладывало на борт так, что первую ночь я не мог спать и, временами, ожидал объявления шлюпочной тревоги. На следующий день опытный полярник Саша Новигатский сказал мне, что предельно допустимый угол наклона у «Федорова» составляет 57°, что меня несколько успокоило (предельно допустимый угол наклона у нашего НИС «Академик Мстислав Келдыш» составляет всего 43°). Сегодня вошли в «неистовые пятидесятые», как их называли когда-то британские моряки. Для нас пятидесятые широты оказались более дружелюбными, вопреки своему грозному названию. Появились первые айсберги. Зрелище довольно впечатляющее: огромные ледяные глыбы белого цвета, переходящего в голубой и цвет морской волны, часто весьма причудливой формы. Один айсберг предстал перед нами в виде древнего замка, другой был похож на носорога, некоторые выглядели как снежные пики или небольшие столовые горы в океане. Пока это единичные экземпляры. Правда, для меня это не первая встреча с айсбергами. Впервые, я познакомился с ними еще в далёком 1983 году, в 30 рейсе нис «Дмитрий Менделеев», когда мы закончили работы к югу от Новой Зеландии и пошли к Антарктиде для выполнения разреза вдоль 67° Ю.Ш.

Днем к нам подошел Василий Леонтьевич Кузнецов (начальник всего сезонного отряда) и предложил составить план работ на станции Новолазаревская (первая из станций, на которую мы заходим через несколько дней). Нам с Сашей было предложено слетать на материк на озера для сбора материала, на что я с восторгом согласился, а Саша без того, т.к. вкусил этой романтики в прошлой экспедиции и, насколько я понял, удовольствия это ему не доставило. После чая попытались было пробыться в зал настольного тенниса, поиграть, но обнаружили его набитым полуголыми и воняющими потом мужиками из РАЭ и экипажа, режущимися не на жизнь, а насмерть в теннис двое на двое и орущие нам: «Быстрее закрывайте дверь».

Вечером, по поводу первой встречи с айсбергами, да и всем прочим поводам, хорошо приняли на грудь вчетвером: Дэн, Саша, я и Роман Смирнов – молодой зоолог из питерского Зоологического института РАН и сосед Дэна по каюте. Он органично влился в нашу компа-

нию. Дэн сначала пригласил нас на распитие пива, которое он заказал в Кейптауне и до этого не решался пить из-за боязни, как бы оно не вступило в непредвиденную реакцию в желудке во время качки. Пиво у всех прижилось и Дэна понесло. Тут же мы выпили по второй, потом он предложил по третьей, народ отказался и было решено продолжить праздник с помощью Сашиного коньяка (он привез с собой 10-литровую канистру, купленную по случаю у коллеги в ИОРАН). Коньяк тоже хорошо прижился и веселье продолжалось бы и дальше, но пришлось проявить твёрдость, и под предлогом того, что нам с Сашей все-таки завтра предстоит работать, мы удалились в свою каюту.

21.02.03, Пятница (57°14'S, 07°34'E)

С утра в каюту прибежал озабоченный Дэн, который услышал про нашу высадку на станцию Новолазаревская, и загорелся желанием тоже попасть на озера на континенте. Мы вывели в лаборатории расписание работ на станции, включая наш полет на озера для отбора проб льда, снега и воды. Инна вставила в расписание все работы по максимуму – посмотрим, что удастся сделать. Мы посоветовали Дэну отловить Кузнецова и сказать ему, что для успешного выполнения его программы ему просто необходимо полететь с нами на озера и отобрать там пробы. Сам Дэн совершенно не помнит, что было написано в его программе, составленной биологом ИОРАН И. Мельниковым, по-моему, он даже туда и не заглядывал. С первой попытки найти Леонтьевича ему не удалось, и огорченный Дэн завалился спать до обеда.

Во время отбора утренней 9 часовой пробы воды ведром, пошёл первый снег в виде крупных белых хлопьев. Очень скоро в углу, у двери лаборатории даже намело небольшой сугроб. После отбора поверхностной воды ведром приступили к своим делам. Саша – фильтровать, Абрамовна – мерить углеводороды, а я мыть полиэтиленовую посуду для будущих работ на Новолазаревской. Посуда оказалась на редкость грязной, т.к. в ней хранились пробы льда и снега с крыши ИОРАН, где стоит станция мониторинга атмосферных осадков. Поэтому я просто залил в нее подкисленной воды, а мыть буду завтра. Короче говоря, завтра у меня будут проблемы с отмыванием этой посуды. На полднике мы встретили поникшего Дениса, который сообщил, что ему в конце концов удалось отловить Леонтьевича, и тот ему сказал, что насчет полета на континент надо было договариваться вчера, а сейчас программа работ на станции Новолазаревская уже утверждена начальником экспедиции Алексеевым и вообще, у тебя мол программа морская, так что и сиди братец на борту, может быть высадишься на Прогрессе, там вроде бы тоже есть озеро. Мы пытались Дэна утешить, как могли. Может в дальнейшем сможем взять его с собой. Саша Новигатский, по-моему, не горит желанием высаживаться на континент. Ему хватило этого во время предыдущего рейса. Ну, а мы с Дениской на новеньких, и горим энтузиазмом.

После полдника, я сопровождал Плишкина на пеленгаторную палубу. Там он рассказал, что айсберги, которые мы встретили, выносились течением Западных ветров с шельфовых ледников Антарктического полуострова, где располагается наша станция Белинсгаузен, самая теплая и интересная в плане живности из всех наших станций и где зимуют «блатные» полярники. Теперь же эту зону мы прошли и до самой Антарктиды айсбергов скорее всего больше не будет попадаться. Море продолжает оставаться спокойным несмотря на то, что мы находимся в «неистовых пятидесятих» широтах. К прогулкам после еды здесь многие относятся серьезно и стараются больше ходить, кто по главной палубе туда-сюда, а кто энергично отмеряет круги на вертолетной палубе. Большинство же просто прогуливается и дышит воздухом. К последним отношусь и я.

После чая сыграли учебную пожарную тревогу для команды, по которой участники РАЭ должны оставаться в своих каютах. Еще через какое-то время объявили о вхождении в особую зону Антарктических вод, где в соответствии с международным правом по Антарктике запрещено выбрасывать что-либо за борт. На простом понятном нам языке это означало, что мы пересекли 60-ю параллель южной широты. После ужина смотрели с Ромой и Сашей французский документальный фильм Микрокосмос, который Саше подарила его девушка. Фильм о жизни насекомых, практически без комментариев и снят совершенно потрясающе. Пожалуй, это лучшее, что я видел на эту тему! Пока все на сегодня, «night cap», и в люлю.

22.02.03, Суббота (63°10,37'S, 10°01,17'E)

Утром меня разбудил луч солнца, который светил прямо в глаз. По левому борту, как раз напротив нашего иллюминатора, оказалась полоска чистого неба, толщиной всего в два пальца, если вытянуть руку. Правда после завтрака эта полоска быстро затянулась и небо вновь приобрело привычный свинцовый оттенок.

В лабораторию мы обычно приходим самые первые, народ подтягивается, как правило, позже. Вернувшись с палубы после отбора утренней пробы, обнаружили в лаборатории Леонтьевича, который сказал, чтобы мы с Сашей завтра были готовы к отправке на станцию. Предполагается, что нас туда забросят вечером, первым же вертолетом, пока судно еще будет биться во льдах на подходе. Это значит, что как минимум мы там проведем ночь, с тем чтобы с утра работать, а может быть и не одну ночь. Я спросил у Саши, какую одежду надо будет с собой взять, и он сказал, что теплого синего комбинезона, бахил и оранжевого комбинезона сверху (это тот, который не продувается) будет достаточно.

После обеда встретил на палубе какого-то мужика с фотоаппаратом с телевиком. Спроси у него, попадалось ли что-нибудь интересное? Оказалось, что по правому борту только что прошел красивый айсберг, а кто-то уже видел китов. Думаю, надо будет кинокамеру и фотоаппарат держать в лаборатории, а то все самое интересное пройдет мимо камеры.

Денис не пришел и на обед. Мы с Сашей забеспокоились, его сосед Рома сказал, что Дэн хандрит. После обеда мы его навестили, он сидел у стола и раскладывал на своем ноутбуке электронный пасьянс. Со вчерашнего дня у него болит живот и в таких случаях он лечится голоданием, «спасибо, что пришли, но у меня все в порядке.» Я чувствую, что он все еще разочарован, что не полетит на Новолазаревскую. Постараемся в следующий раз взять его с собой.

После чая обсуждали с Сашей в каюте, что будем делать на станции. В районе Новолазаревской пять озер, но нам нужно опробовать только то, которое они опробовали в прошлый раз. С остальными, по его словам не стоит возиться. Нужно будет взять с собой бур, канистры и 5—7 больших, 40 л бака для сбора кернов льда, снега, и подледной воды. Говорит нас ожидает тяжел труд, связанный с ручным бурением льда. Во всем, что касается работы со льдом и снегом я вынужден пока полагаться на Новигатского, т.к. собственного опыта не имею. Кроме нас, в высадке будут участвовать экологи из АНИИ, изучающие загрязнение Антарктиды. Они собираются работать на всех пяти озерах, а мы будем им, вероятно, помогать, после того, как сделаем свою работу.

Вечером готовили оборудование для завтрашней вылазки: мыли полиэтиленовые баки, 40л бидоны, чистили титановый бур и т. п. Поздно вечером в каюте собирали личные вещи к завтрашнему походу. Саша сказал, что если встанем в припае и будет возможность высадки

на него, то он бы предпочел остаться, чтобы поставить седиментационные ловушки со льда. В этом случае я полечу на станцию с Денисом, если ему разрешат.

23.02.03, Воскресенье, День Советской/Российской Армии

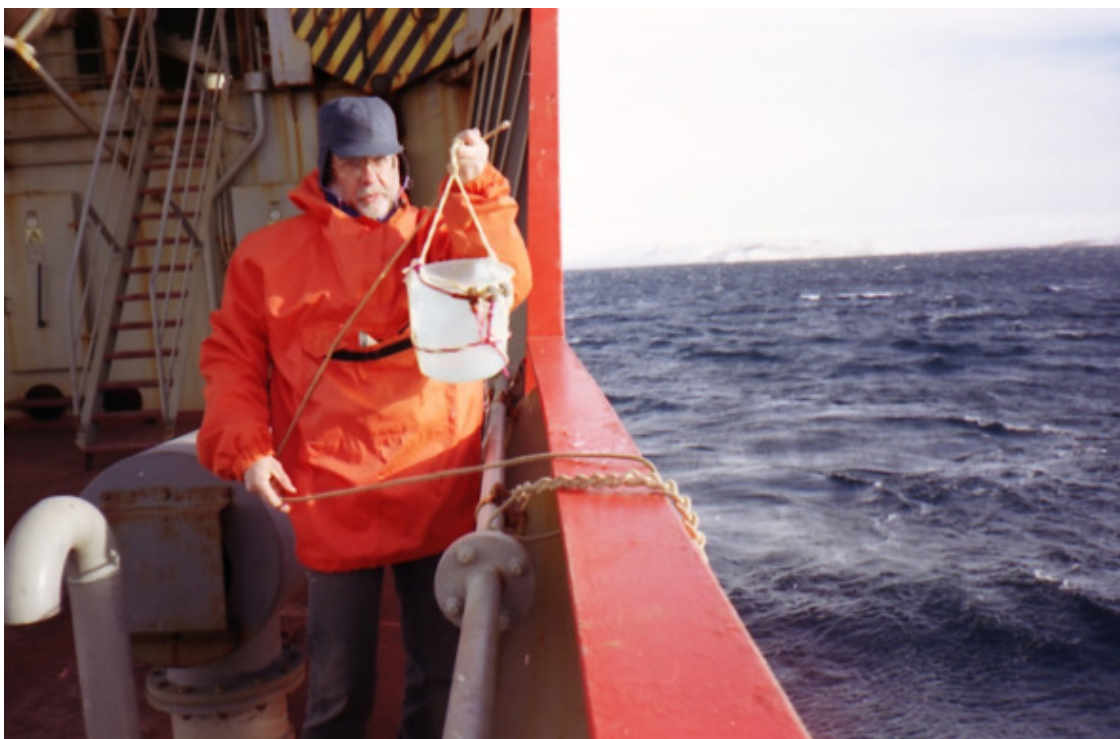
Погода с утра потрясающая, праздничная. Светит солнце, на небе ни единого облачка. Не могу себе представить, что в Антарктике может быть такая погода. На море небольшой ветерок поднял мелкие барашки, но это совсем мелочь для «Федорова», он реагирует только на океанскую зыбь, которая по большому счету никогда не прекращается. Сегодня у отца день рождения, интересно, получил ли он мою поздравительную телеграмму? Дэн выздоровел, и с утра уже нацеливается на праздничный кофе с коньяком.

Как всегда, отобрали воду на фильтрацию, а потом наш главный судовой врач Горбунов призвал нас с Сашей Нговигатским на проверку на адаптируемость. Такую проверку мы уже проходили в Питере, но Горбунов продолжает вести какую-то свою статистику. Сашу он проверил и сказал, что он лучше всех и может ужиться с любым человеком (а мне-то как повезло). Потом наступила моя очередь. Я тоже, по его словам, оказался не плох, хотя и уступал по показателям Саше. Затем мы затеяли интеллектуальную беседу о методе сравнения биоритмов, сопоставления кардиоактивности с пульсом и т. д. – честно говоря, я так всего и не понял. Перешли на иридодиагностику, которой увлекается доктор, и на самом интересном месте нас прервали очередной пациент и Новигатский, призвавший меня в каюту Инны Немировской для отмечания праздника, что мы и сделали с превеликим удовольствием. Сначала это были только мы с Новигатским и Инна со своей подругой и «сокаютницей» Ольгой Воскобойниковой, научным сотрудником Зоологического института РАН из Питера, а потом к нам присоединились Денис и Володя Раздольский – местный химик.

Вошли во льды. Кругом, насколько хватает глаз льдины и льдинки, мелкие и крупные айсберги. Море уже не синее, а в большей степени белое: 50—60% поверхности моря покрыто льдом. Начали ощущаться и удары льдин о корпус судна. Пошел с Ромой на пеленгаторную палубу для съемок и обнаружил раненную чайку. Спросил у Плишкина, не он ли так с ней обошелся? Говорит нет. Ночью включали прожектора, и сбита с толку чайка налетела на трубу. Теперь бедолага ползает по палубе, раскинув крылья.

4.А. Плишкин измеряет гранулометрический состав аэрозолей на пеленгаторной палубе

5. Автор отбирает поверхностную морскую воду ведром на ходу судна

6.И. Немировская в гидрохимической лаборатории

7.Фильтрационная лаборатории

8. Каюта на НЭС «Академик Фёдоров»

9. Д. Айбулатов на фоне первых айсбергов

4. Первая встреча с Антарктидой. Станция Новолазаревская и Оазис Ширмахера

24.02.03, Понедельник, (70°46» ю.ш. и 11°50» в.д.)

Итак, сегодня должно было состояться то, ради чего я собственно и отправился в эту экспедицию – посещения таинственного материка. С утра мы долбили в припайный лед, но он оказался слишком толстым для «„Федорова“», более 2 м. С налета удалось проскочить лишь метров 150 – 200 и мы увязли в этом льду. После завтрака на вертолетную площадку выкатили наш вертолет – трудовую лошадку МИ-8 и в течении часа приделывали к нему винты и проводили предполетную подготовку. Потом летчики подняли его в воздух полетали вокруг и вновь посадили на палубу, а вскоре нам дали команду грузиться и занимать места. В основном летели полярники нашей 48 экспедиции на смену ребятам, которые отзимовали в 47 РАЭ. Кроме зимовщиков летели еще двое экологов из ААНИИ, в задачу которых входил отбор проб из окружающих озер для определения загрязнений, главный врач экспедиции Горбунов, и мы с Новигатским. Полет продолжался примерно минут 40 и все это время мы летели над абсолютно белой и плоской как блин поверхностью. Как тут было не вспомнить белое безмолвие Джека Лондона!

И вот на горизонте появились желтовато бурые холмы Оазиса Ширмахера, на которых и располагается наша антарктическая станция Новолазаревская. Оазис Ширмахера находится на Берегу Принцессы Астрид на Земле Королевы Мод. Это место названо так в честь немецкого пилота Р. Ширмахера, участника немецкой экспедиции на переоборудованном грузовом судне «Швабенланд», который в 1939г. в процессе исследования Новой Швабии во время облёта местности обнаружил эти горы. Это оказалось одним из редких случаев, когда географическое открытие было сделано с воздуха. В то время гитлеровская Германия проявляла повышенный интерес к Восточной Антарктиде. Существовали планы обустройства в этом районе подводной базы для немецких субмарин. В последствии от этих планах отказались из-за удаленности Антарктиды от основных судоходных путей в Атлантике, но до сих пор существуют легенды о том, что база все-таки была построены в одной из гигантских подледных пещер, имеющих в районе Оазиса Ширмахера, и что там, якобы, до сих пор прячутся немецкие подводные лодки. Однако, поиски пещер с немецкими подводными лодками до сих пор так ни к чему и не привели.

Справка: «Станция Новолазаревская расположена на юго-восточной оконечности оазиса Ширмахера приблизительно в 80 км от побережья моря Лазарева. Шельфовый ледник со слегка волнистой поверхности покоится на ледяном куполе, простирающемся к северу от станции вблизи залива Ленинградский. С юга подходит склон ледяного щита. Оазис представляет собой скальное образование, протягивающееся тонкой полосой длиной около 17 км и шириной 3 км с запада северо-запада на восток юго-восток. Рельеф типично холмистый с максимальной высотой над уровнем моря 228 м. В оазисе насчитывается до 180 озер. Ледяной покров озер летом, как правило, не тает, однако некоторые озера летом вскрываются. Климат в оазисе обладает преимущественно континентальными характеристиками. Большая часть поверхности оазиса характеризуется отсутствием ледового покрытия не только летом, но и в зимнее время.

Станция была открыта 18 января 1961 г. Координаты станции: 70°46'04» S и 11°49'54» E; располагается она на высоте 102 м над уровнем моря. В число первых строений входили

помещение для обслуживания техники, кают-компания, жилой блок и электростанция, гляциологический, магнитный и актинометрический навильоны и вспомогательная площадка. А уже в 1976 г. на территории станции размещались около 15 служебных и жилых строений. В 15 км к югу от станции имеется взлетно-посадочная полоса для самолетов на лыжах и на колесах. ВПП расположена на поверхности ледяного купола на высоте 500 м над уровнем моря, имеет длину 1200 м и ширину 60 м, посадочный курс 114°».

К сожалению, наш прилет омрачился несчастным случаем. Одного из механиков станции, поливавшего перед этим вертолетную площадку, чтобы снизить количество пыли, так шарахнуло тяжелой дверью ангара, которая пришла в движение от ветра, поднятого винтами вертолета, что парня пришлось эвакуировать на судно, где ему срочно сделали операцию, во время которой удалили часть порванного кишечника и желудка.

Мы выгрузили наши личные вещи и оборудование для сбора проб льда воды и снега. С собой мы взяли титановый бур, 4 полиэтиленовых бидона по 40 и 50 л для подледной воды и кернов льда и два 50 л бака для сбора снега. В соответствии с правилами на станциях мы доложили о своем прибытии начальнику станции, и он сказал, что нашим обустройством он займется после обеда. Еще он сказал, что все озера, кроме озера Станционного вскрылись от льда, так что фронт наших работ существенно сократился до этого самого озера. Имеет смысл отбирать пробы одновременно льда, снега и подледной воды – просто вода нам мало интересна. У нас образовалось 3 часа свободного времени, которое мы решили посвятить изучению станции и ее окрестностей.

Начать решили с ледника, который с одной стороны примыкает к станции, возвышаясь над ней на несколько десятков метров. Благодаря нашей подбитой металлическими шипами обуви, мы залезли на ледник без проблем почти за час, но, до самого верха ледника добраться не удалось, т.к. он вздымается идущими друг за другом валами и снизу его максимальную высоту было трудно определить. Постояв на леднике и полюбовавшись открывающимися видами на сам оазис и станцию Новолазаревская мы начали спуск вниз, который как всегда оказался труднее восхождения. По дороге вниз обнаружили жёлто-синий флаг из прекрасной мягкой материи, типа бархата, оставленный каким-то обществом украинских юристов (видно не плохо живут украинские юристы, раз могут себе позволить такие поездки). У нас сразу же возникла грандиозная идея – сделать себе из этого флага коврик на пол в каюту. К сожалению, реализовать идею оказалось значительно сложнее, чем ее придумать. Флаг сильно вмерз в лед и промучившись с ним почти час, пытаясь при помощи швейцарского перочинного ножа выковырять его из льда, мы отказались от задуманного и подались вниз к станции.

Во время этого похода мы взмокли как мыши, погода в районе станции была великолепной. Температура около нуля, безветренно, солнце и ни единого облачка. Мы же оделись, как для работы в зимнее время, поддели под комбинезоны теплое белье, а еще и шерстяные свитера. Выданные нам комбинезоны были очень теплыми, и, как говорили мне опытные полярники, летом в такую погоду их можно одевать прямо на голое тело, что мы потом и практиковали.

Питание на станции оказалось очень даже не плохим. В обед нас угостили вкусным гороховым супом и хорошо приготовленной печенкой с макаронами и подливой. На судне печень готовят гораздо хуже. Столовая оказалась и библиотекой, с книжным стеллажом у одной из стенок и кинозалом, где имелась видеотехника с подборкой различных видеофильмов. А в кают-компаниях мы обнаружили стол для пинг-понга, бильярдный стол и разнообразные игры типа

шахмат, шашек, шиш-беша, и «блошки», которую я до этого не встречал и как в нее играть не знаю. Кроме того, полярники мне сказали, что у них есть и доступ к Интернету.

После обеда нам предоставили в одном из домиков (балков) большую и вполне приличную по экспедиционным меркам комнату на четверых совместно с экологами из ААНИИ. Перетащив свои вещи из кают-компания в свою комнату, мы переоделись и пошли на оз. Станционное, где нам до конца дня предстояло отбирать пробы. Озеро оказалось недалеко, всего 10—15 минут хода, и мы за два приема перебросили туда все свое оборудование.

Только когда мы приступили к работе, я понял, почему Саша был грустен и не очень-то радовался предстоящей поездке на станцию. В отличие от меня он знал характер предстоящих работ. Бурить озерный лед ручным титановым буром оказалось очень нудным и тяжелым занятием. Сначала надо было научиться забуриваться в лед, что получилось у меня не сразу, а потом сама процедура бурения озерного пресного льда оказалась довольно тяжелым физическим испытанием. На наше счастье лед оказался не толстым, всего 22—25 см, но пробурить надо было 15 лунок, чтобы забить до упора оба 60л бидона. Наилучший результат достигается, когда буришь вдвоем. Становимся друг напротив друга и крутим бур в четыре руки. Нам с Сашей было удобно это делать еще и потому, что мы примерно одного роста и телосложения. Те, кто ростом пониже жаловались, что бур слишком высокий и им трудно с ним работать. После выбуривания кернов мы их описывали и делили на две, примерно равные половины, чтобы отобрать по отдельности в разные емкости верхнюю и нижнюю части колонки.

Закончили с пробами к ужину, при этом довольно сильно устали. Отобранные пробы льда и воды в баках и бидонах подтащили по льду к берегу, с тем, чтобы утром договориться с Володей, начальником станции в 47 РАЭ о выделении транспорта. На себе тащить это на станцию было абсолютно невозможно.

После ужина, решили отобрать пробу воды из Верхнего озера. Дело в том, что наш руководитель Инна Немировская больше всего интересовалась именно этим озером, т.к. в прошлом году получила из него интересные результаты и хотела бы сравнить с пробами этого года. К сожалению, кроме воды из озера ничего отобрать не удалось: ни снега, ни льда – озеро полностью вскрылось к нашему приезду. Интересно, что в Атласе Антарктики, изданном в середине 70-х годов, все эти озера описываются как не вскрываемыми, а они, на самом деле сейчас постоянно вскрываются, что наблюдается, по крайней мере, два года подряд. Еще одно доказательство глобального потепления!/? Наша задача по отбору пробы из озера Верхнего облегчалась тем, что это озеро водозаборное для станции, почти на 1/3 его ширины на нем построены мостки, по которым проходит водозаборная труба. По этим мосткам мы добрались подальше от берега и отобрали чистую пробу, предварительно разбив тонкий стеклообразный слой молодого льда.

Сделав дело, направились на прогулку вокруг станции по оазису Ширмахера. Меня заинтересовали породы, которыми представлены окружающие нас скалы. В основном это оказались разнообразные гнейсы, гранито-гнейсы, гранодиориты и т. п. Попадались пегматитовые жилки с крупно раскристаллизованным полевым шпатом и кварцем. Часто в породах попадаются гранаты, но конечно не ювелирные. Говорят, что наши геологи нашли здесь трубку взрыва с алмазами (кажется на станции Прогресс, хотя это и не точно). На свои вопросы, а есть ли золото, я получал туманные ответы типа «все тут есть». Как правило, жильное золото встречается в породах кислого ряда, которыми в основном и сложен Антарктический щит. Вот только найди его под много метровым и много километровым льдом не просто.

25.02.03, Вторник, Новолазаревская

Встали около 8.00 по местному времени, помылись и пошли на завтрак. Завтрак здесь начинается на полчаса позже, чем на судне, а нас же определили во вторую смену, т.е. в 8.20. После завтрака нам выделили гусеничный транспорт – ГТТ с лихим водителем Петро, для транспортировки наших бидонов и баков с водой и льдом. С Петром, приятным мужиком лет 55—60 мы познакомились еще накануне. Он будучи под сильным газом представился нам и стал выяснять приехали ли мы на зимовку или мы «сезон». ГТТ сначала не заводился т.к. там сломался какой-то подогреватель. Но потом его удалось запустить, и Петр предложил нам доехать с ним до бидонов, а обратно ехать самим. Эта перспектива нас несколько озадачила, но я подписался под этой авантюрой, вспомнив, как когда-то в молодости, еще в 1973 г., сразу же после окончания университета, учился ездить на аналогичной технике на метеостанции в Сквородино, в Амурской области. К счастью, а может и к сожалению, до этого дело не дошло т. к. Петро всё же усомнился в моих возможностях механика-водителя и сам привез нас обратно к месту посадки на вертолет. Перетащив все свои вещи и отобранные пробы к кают-компани, мы решили напоследок еще раз прогуляться вокруг станции. Скорее всего мы уже никогда сюда больше не попадем. Поднялись к установленному на вечный прикол старому вездеходу, которого полярники, почему-то, называют «Пингвин». Провели небольшую фотосессию рядом с ним и внутри, а затем решили подняться на гребень, откуда должна была просматриваться заснеженная Антарктида за пределами оазиса Ширмахера. Гребень этот располагался за Станционным озером, где за день до этого мы отбирали пробы. Поднявшись на этот гребень я очень пожалел, что оставил свою камеру на станции. Перед нами предстала просто потрясающая по красоте картина. Коричнево-бурые, необычной формы скалы контрастировали с открывающимся видом на совершенно белый океан материкового льда и снега, который отходил эдакими застывшими волнами от скал оазиса, превращаясь через несколько десятков метров в абсолютно ровную без единого пятнышка и морщинки белую скатерть.

Во время наших геологических прогулок по оазису Ширмахера я обратил внимание на выемки в гранитных скалах, которые напомнили мне следы волнового или ветрового воздействия на скалы. При ближайшем рассмотрении они и оказалось следами ветрового воздействия (волновое воздействие здесь ожидать не приходится). Такие ниши оставляют небольшие камешки, попадающие в маленькую неровность в породе и под действием ветра, вращаясь в этой нише, разрабатывают ее иногда до существенных размеров. В принципе, ничего особенного, каждый геолог встречался с этим явлением много раз в экспедициях и студентов геологов и географов с этим явлением знакомят ещё на первом курсе. Однако есть одно «но». Я такие выемки тоже наблюдал много раз в разных странах, в основном на пляже, но они были, как правило в мягких породах, не тверже песчаника и являлись, как правило, результатом волновой эрозии. Здесь же ярко выраженные следы ветровой эрозии наблюдались практически в самой твердой на земле породе – в гранитах. Некоторые такие ниши достигали более 15 см в диаметре и до десяти сантиметров в глубину! Это какой же силы должен быть ветер, чтобы подхватывать гранитные камешки и с их помощью вертеть дырки в гранитных скалах! Когда представляешь себе ветер, способный на такое, становится как-то не по себе.

Около 12 часов станционного времени прилетел наш вертолет, и мы сначала дружно разгрузили его от продуктов для зимовщиков и какого-то оборудования, а затем также дружно загрузили его своим инструментарием, бидонами с пробами и бочками из-под горючего. По дороге на судно залетели на Новолазаревский аэродром, представлявший собой кусок ровной белой Антарктиды ничем не отличавшийся от других районов, покрытых континентальным льдом и спрессованным снегом. Здесь добавили еще бочек и в вертолёт стало совсем

тесно. Во время полета пролетели над индийской станцией, которая, как я уже упоминал располагается недалеко от нашей, и зимовщики ходят в гости друг к другу, обмениваясь картинками, плакатами и подарками. Индийская станция выглядела несколько новее нашей, да и мусора вокруг было существенно меньше.

К себе на пароход мы вернулись незадолго перед полдником, на который мы не пошли, а взяли причитающийся нам салат и все вместе отметили наше возвращение и приобщение к полярникам в каюте у Инны Немировской. Перед этим я еще успел отснять на видео представление, устроенное нам императорскими пингвинами. Это птица которая своими повадками и внешним видом похожа на человека больше, чем какое-либо другое животное, не считая, может быть обезьян, а по своей любознательности может сравниться только с человеком. При этом любознательность или любопытство пингвинов совершенно бескорыстное. Я имею ввиду, что оно не того толка, как у других животных или птиц, которое связано с возможностью найти что-нибудь съестное. Пингвины к нам приходили исключительно из чистого любопытства и ни на какую пищу, которые наши пытались им давать, они даже не реагировали. Они подходят или посмотреть, что здесь происходит и что это за странные существа к ним прибыли, а некоторые из пингвинов, даже пытаются с нами пообщаться или чего-то от нас настойчиво требуют, но, к сожалению, нам пока не дано их понять. В голову иногда даже приходят парадоксальные и крамольные для ученого мысли – а не были ли пингвины людьми в прошлой жизни?

26.02.03, Среда (69°57» ю.ш. и 11°38» в.д.).

С утра подошли к барьеру, но к своей площадке так и не смогли пробиться сквозь льды. Причалили к барьеру, зацепившись за уже вмороженные в лёд кнехты и забуриив дополнительно свои. Как выяснилось, этот кусок барьера принадлежит индусам – они устроили здесь свой склад ГСМ. Индийцы разрешили нам использовать свою территорию для разгрузки наших ГСМ с последующей их переброской на нашу станцию. Начали разгрузку, а вскоре подошел и первый вездеход с прицепом – Ишимбай. Весь день ждали, когда нам разрешат выйти на лед для отбора проб снега и льда, но этого так и не произошло. Пообещали выпустить завтра.

На следующий день с утра подойдет наша с Новигатским очередь чистки овощей. Вечером к нам в каюту пришел Петр Богородский, физик из ААНИИ, сидящий за одним с нами столом и предложил свои и своего напарника услуги, сказав, что в восемь рук чистить овощи гораздо сподручней, чем в четыре. Сегодня они нам помогут, а когда настанет их очередь, то мы им поможем. Мы с предложением согласились и потом не пожалели – действительно веселее и очень быстро. Утром все почистили за 45 мину. Заодно и потрепались с Петей о жизни и науке. Он много рассказал об огромном озере, которое нашли сравнительно недавно в центральной части Антарктиды под станцией Восток. У Пети был грант РФФИ для изучения этого уникального объекта. Позже зашел Денис, и наш треп продолжился с новой силой во время которого Саша рассказал смешную историю как он по ошибке сходил на Беломорской биологической станции вместо туалета в колодец с питьевой водой.

27.02.03, Четверг (69°57» ю.ш. и 11°38» в.д.).

После завтрака и чистки лука и картошки нас пригласили на инструктаж перед выходом на барьерный лед, а также подписать бумагу о том, что с техникой безопасности работы на льду мы ознакомились. К сожалению, на этом все и закончилось. Уже через час или полтора мы отшвартовались от барьера и ушли опять долбиться в лед. Как нам сказали будем опять пробиваться к первоначальной точке разгрузки, т.к. место где мы были очень удалено от станции и полярникам трудно туда подходить с тяжелой техникой.

11.00. Сейчас судно делает циркуляцию и колет лед вокруг швартовки у барьера, где мы скачиваем топливо и передаем грузы для станции Новолазаревская. Дело в том, что за ночь нанесло припайного льда, поэтому, чтобы не оказаться в затруднительном положении, капитан решил почистить своё рабочее место. Теперь наш выход на барьер, запланированный после обеда, снова откладывается на неопределенное время.

14.30. Примерно в 12 пополудни начали пробиваться через сплошной припай к барьеру по прямой, туда, где стоят наши бочки. Расстояние до барьера я бы оценил около километра. Методика обычная – разгоняемся на участке чистой воды примерно в 100 м и врезаемся в лед. Толщина льда составляет примерно 1.5—2 м и после каждого такого «наезда» судно продвигается на 10—15 или даже меньше метров. После этого отъезжаем назад и опять врезаемся и т. д. Лед колетса и дробится. Я все это наблюдал и снимал с пеленгаторной палубы и слышал все сопровождающие этот процесс звуки. Сначала идет как бы шелест, когда судно проходит кашу из мелкого льда. Затем хруст усиливается и слышны удары от бьющихся о борт крупных глыб льда. Одновременно ощущаются толчки и как бы «виляние» судна под ногами, т.к. самые крупные льдины при ударах о борта незначительно изменяют траекторию движения. Затем под хруст и шипение судно носом въезжает на не поддавшийся лед впереди и останавливается. После этого начинается очень характерный треск ломающегося льда. При этом можно видеть, как большие трещины расходятся от носовой части судна на десятки метров в стороны.

Побившись так во льдах около 1—1.5 часов и пройдя всего метров 50—70, «Федоров» отошёл от припая и встал на расстоянии примерно в 100 м, на отдых. На мой недоуменный вопрос, типа «что происходит», Леонтьевич мне ответил, что теперь будем ждать, когда силы природы завершат начатое. Оказывается, наша «долбёжка» была не бессмысленной тратой горючего и сил. Она привела к возникновению динамических напряжений во льду и возникновению внутренних волн, которые, объединенными усилиями и должны закончить начатое «Федоровым» дело, а именно привести к дальнейшему самопроизвольному раскалыванию льдов, что должно значительно облегчить работу судна. Мы же тем временем все вместе отбрали пробы поверхностной воды и плавающей на поверхности ледяной крошки, представленной внутриводными ледяными кристаллами и колотым льдом. Трудно сказать о научной ценности такого материала, но в данных обстоятельствах хочется хоть что-то набрать, если того, что хочется набрать, набрать невозможно.

19.00. Продолжаем стоять в припайном льду. Никто не понимает в чем дело, но нас никто и не спрашивает – мы здесь люди второго сорта. После чая пришла Немировская – у неё опять что-то с компьютером, и она попросила меня его наладить. Делать больше нечего, все пробы для определения микроэлементов я отобрал, так что сижу и стучу по клавишам на Сашином ноутбуке. Кстати, очень сожалею, что не купил в рейс себе ноутбук. Саша правда молодец – совсем меня не ущемляет, и я могу работать на его компе столько, сколько мне требуется.

20.30. Наконец-то поехали, что уже радует, хотя куда поехали, пока, не знаем. Примерно в 21.15 к нам заглянул старый Сашин знакомый ещё по предыдущей 46-й РАЭ, Николай Масолов из инженерной группы и пригласил нас в гости для налаживания знакомства. Там находилась также и его пассия в этой экспедиции – буфетчица Таня, единственная молодая женщина на судне (дам вообще то в экспедиции очень мало и им всем за 50 лет). Прodeгустировали водку, производство которой наладили в Кейптауне местные русские, поговорили о том о сем. Оказалось, что Коля для души интересуется собаками (в чем стал неплохо разбираться), а вот для дела камушками и особенно бриллиантами. Глубину его познаний в области драгоцен-

ных камней мне измерить не удалось, но как мне показалась, она уступала познаниям Николая-собачника (может просто от того, что я в собаках плохо разбираюсь?). К счастью, хотя это произошло по воле случая, мне удалось ускользнуть довольно рано, примерно в 11.30 вечера, а вот Саше не повезло. Он квасил с ребятами до двух часов и даже не помнил, как добрался до каюты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.